

**В.А. Бородаев\***

## **ПОЗИЦИЯ КУБИНСКОГО РУКОВОДСТВА ВО ВРЕМЯ КАРИБСКОГО КРИЗИСА**

Историография Карибского кризиса преимущественно изучает мотивацию и поведение двух сверхдержав, оказавшихся на грани ядерной войны и изыскавших возможность этой грани не переступить. Позиция руководства Кубы, ставшей ареной столкновения интересов США и СССР, часто ускользает из поля зрения исследователей. В предлагаемой статье проведен анализ взглядов лидеров Кубинской революции на международное положение их страны на рубеже 1950–1960-х годов; изучены перипетии взаимоотношений Гаваны с Вашингтоном и Москвой, включая ход переговоров о размещении на острове советских ракет средней дальности, оснащенных ядерными боеголовками. Особое внимание уделено анализу восприятия кубинским руководством событий наиболее острой фазы кризиса и процесса его урегулирования.

**Ключевые слова:** Карибский кризис, Кубинская революция, СССР, США, советско-кубинские отношения, Ф. Кастро, Э. Че Гевара, Н.С. Хрущев, Дж. Кеннеди, операция «Анадырь».

С момента Карибского кризиса 1962 г. прошло уже полвека. О событиях тех дней сказано и написано очень много, но интерес к ним не ослабевает. Тому есть множество причин. На наш взгляд, главная из них – непреходящая актуальность основных выводов, вытекающих из анализа этого эпизода – одного из самых драматичных в новейшей истории международных отношений.

Исторический контекст «холодной войны» так или иначе заставляет всех, кто обращается к Карибскому кризису, рассматривать его с позиций противостояния двух сверхдержав – США и СССР, которыми в тот момент руководили «два склонных к риску политика» – Н.С. Хрущев «с его склонностью к позерству и импульсивным решениям и Джон Кеннеди (1960–1963) (самый переоцененный американский президент двадцатого столетия) с его политикой жестов» [14, с. 263]. Однако в Карибский кризис были втянуты не только сверхдержавы, но и сама Куба – страна, вокруг которой собственно и разыгрывалась эта драма. Неслучайно в Соединенных Штатах Америки военно-политический конфликт осени 1962 г. называют «Кубинским ракетным кризисом» («Cuban missile crisis»).

---

\* *Бородаев Владимир Алексеевич* – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.a.borodaev@gmail.com).

Кубинцы же используют термин «Октябрьский кризис» («Crisis de Octubre»), тем самым подчеркивая, что ракеты не были главной причиной конфликта. Именно этот аспект, связанный с местом и ролью Кубы в самом остром международном кризисе XX столетия, а также взгляд официальной Гаваны на его развитие и последствия мы хотели бы рассмотреть в настоящей статье.

\* \* \*

Самый крупный в Карибском бассейне остров обозначился в повестке дня взаимоотношений двух сверхдержав на рубеже 1950—1960-х годов, после победы на Кубе в январе 1959 г. леворадикального повстанческого движения во главе с Фиделем Кастро. Кубинская революция хорошо изучена, поэтому мы будем отталкиваться от общеизвестных фактов истории Кубы, лишь вписывая их в контекст международных отношений. Это позволит нам более четко расставить акценты в рассмотрении интересующей нас проблемы.

Когда 10 января 1959 г., через два дня после вступления главной колонны Повстанческой армии в Гавану, председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов телеграммой сообщил о признании Советским Союзом Временного правительства Республики Куба [12, с. 86], никто в руководстве СССР не имел представления о том, какие силы контролировали новый революционный режим. Однако события развивались стремительно. К всеобщему удивлению, уже через полтора года прокоммунистический характер режима на Кубе стал очевидным, а 16 апреля 1961 г. Фидель Кастро открыто провозгласил Кубинскую революцию социалистической.

Между тем Кубинская революция стала объектом яростных атак со стороны ее внешних и внутренних противников уже с лета 1959 г., когда Вашингтон понял, что Гавана своей независимой политикой нарушает сложившийся в Западном полушарии status quo. Именно поэтому кубинцы считают, что прологом к Карибскому кризису была «необъявленная война» США против их страны — об этом неоднократно говорили Фидель Кастро и другие руководители этого карибского государства.

Уже через 10 дней после победы Кубинской революции в США начала разворачиваться кампания по ее дискредитации, которая непрерывно усиливалась. 2 января 1961 г. Соединенные Штаты разорвали дипломатические отношения с Кубой. В начале 1962 г. было введено экономическое эмбарго США против острова, которое лишь юридически закрепило установленную фактически еще в 1960 г. экономическую блокаду. В январе 1962 г. Вашингтон добился исключения Кубы из Организации американских государств (ОАГ) [18, р. 3—94].

Для изменения политического режима на Кубе Соединенные Штаты использовали и силовые методы. Если к концу 1959 г. на территории США, преимущественно во Флориде, было создано 14 контрреволюционных организаций кубинских эмигрантов, то через год их уже насчитывалось почти 200. Началась переброска диверсионных групп на территорию Кубы. Осуществлялись акты саботажа против экономических объектов: поджоги плантаций, взрывы кинотеатров и супермаркетов, бомбардировки аэродромов, обстрелы прибрежных населенных пунктов с быстроходных морских катеров без опознавательных знаков, нападения на кубинские рыболовецкие суда, диверсии на транспорте и предприятиях, покушения на революционных руководителей и т.д. 4 марта 1960 г. в гаванском порту был взорван французский корабль «Ля Кувр», доставивший военное снаряжение, закупленное Кубой в Бельгии. В результате взрыва погибли 70 человек, более 200 получили ранения, материальные потери составили 15 млн долл. Поджог супермаркета «Эль Энканто» нанес стране ущерб в 25 млн долл. [17, р. 91–92].

Наиболее крупный очаг сопротивления Революционному правительству был создан при активной поддержке ЦРУ в середине 1960 г. в горном массиве Эскамбрай (кубинская «Вандея»). Там к сентябрю 1962 г. действовали 79 отрядов противников режима, объединившихся под общим названием «Армия национального освобождения». Их совокупная численность достигала 1600 человек. Ядро этих формирований составили бывшие офицеры батистовской армии и полиции, а также часть бывших бойцов «Второго национального фронта Эскамбрая», стоявших на антикоммунистических позициях. ЦРУ сумело объединить вчерашних непримиримых противников на общей платформе борьбы с социалистическим режимом. С вооруженным сопротивлением контрреволюционеров на Кубе было покончено лишь в 1966 г. [11, с. 33].

С начала 1960-х годов Куба жила под постоянной угрозой прямой внешней агрессии. Опасность военного вторжения с территории США вынудила Кубу обратиться к СССР и другим социалистическим странам с просьбой о поставках оружия [17, р. 101]. В конце 1960 г. Советский Союз начал поставлять на Кубу артиллерийское и минометное оружие, некоторые виды винтовок, пулеметы, бронетехнику. Ускорилось формирование регулярных частей кубинских Революционных вооруженных сил, быстро росли их численность и уровень боевой подготовки. Таким образом, США в значительной степени повлияли на радикализацию и темпы революционного процесса, а также подтолкнули Кубу к сближению с СССР и советским блоком и к определенной милитаризации страны.

Высадка сформированной и оснащенной Соединенными Штатами бригады кубинских контрреволюционеров на Плайя-Хирон в апреле 1961 г., поддержанная авиацией и военно-морским флотом США, закончилась провалом [21, р. 3–504; 24, р. 81–89]. Американский президент Дж. Кеннеди был вынужден признать свою личную ответственность за эту операцию. Артур Шлезингер, занимавший в ту пору пост специального помощника президента, в своей книге «Тысяча дней», посвященной истории администрации Дж. Кеннеди, написал по поводу провала операции «Плутон»: «Правда состоит в том, что Ф. Кастро оказался значительно более выдающимся человеком и руководителем гораздо лучше организованного государства, чем можно было предположить» [26, р. 251]. После этого в Белом доме было принято решение начать подготовку к прямому крупномасштабному военному вторжению на Кубу.

Кубинская историография, выражающая официальную позицию Гаваны, оценивая действия правительства США в период между высадкой на Плайя-Хирон и Карибским кризисом, охарактеризовала их как «прелюдию к прямой вооруженной интервенции на Кубу» [28]. При подготовке к международной конференции в Гаване в 2002 г., посвященной Карибскому кризису, кубинские историки собрали огромный документированный материал, подтверждающий активную диверсионно-террористическую деятельность ЦРУ на Кубе в течение всего 1962 г. [28, р. 5–109].

Озабоченность безопасностью социалистической Кубы проявило и руководство СССР. Оно информировало Ф. Кастро о том, что советской разведке удалось добыть абсолютно достоверные сведения, касающиеся американского плана «Мангуст», который наряду с диверсионными актами внутри страны предусматривал прямое крупномасштабное вторжение вооруженных сил США. Как позднее отмечал кубинский лидер, русские сообщили ему «о существовании такой опасности, хотя не договаривали все до конца и в действительности утаили источник. Они сказали, что пришли к такому убеждению после встречи между Хрущевым и Кеннеди в Вене» [19, р. 307]. На встрече, состоявшейся 4 июня 1961 г., Дж. Кеннеди убеждал Н.С. Хрущева, что в мире сложился баланс сил и что попытка нарушить status quo может стоить очень дорого [6, с. 164].

На наш взгляд, такая реакция Дж. Кеннеди была вполне предсказуема. В первый год после победы Кубинской революции речь еще шла только об обстановке внутри региона, но в 1960 г. ситуация начала быстро меняться. Многие страны «третьего мира», освободившиеся от колониальной зависимости, стали тянуться к Советскому Союзу. Куба показывала заразительный пример народам Латинской Америки, а когда она начала стремительно осу-

шестивлять социалистические преобразования и пошла на союз с СССР, уже достаточно явственно обозначились контуры изменения status quo в глобальном масштабе. Остров свободы становился «форпостом» советского социализма в Западном полушарии. После провала операции «Плутон» в апреле 1961 г. и серии громких заявлений советского правительства и его руководителя Н.С. Хрущева вопрос был поставлен «ребром». Все происходившее на Кубе и вокруг нее очень хорошо вписалось в уже ставший привычным к тому времени контекст «холодной войны», военно-политического и идеологического противостояния двух блоков и борьбы за изменение баланса их стратегических сил. Политическая элита США была не готова «проглотить» столь горькую «пилюлю» радикального надлома регионального и глобального status quo.

Помимо силовых методов Дж. Кеннеди пытался предпринять и более мягкие и гибкие шаги по нейтрализации радикального эффекта Кубинской революции. В континентальном масштабе Латинской Америке была предложена программа мирной регулируемой революции — «Союз ради прогресса». Одновременно возникла идея прозондировать возможности выведения Кубы из сферы влияния СССР при сохранении там для начала «смягченного» социалистического режима. Прецеденты такого рода уже были. Например, Советский Союз позволил Финляндии, оказавшейся после Второй мировой войны в его сфере влияния, сохранить политический плюрализм и рыночную экономику. В то же время США смогли оторвать от советского блока социалистическую Югославию.

Вскоре после провала высадки на Плайя-Хирон и встречи с Н.С. Хрущевым Дж. Кеннеди направил на Кубу своего помощника Ричарда Гудвина для зондажа возможностей разрыва ее отношений с СССР по примеру Югославии. В августе 1961 г. Р. Гудвин провел секретную встречу с Эрнесто Че Геварой. «Беседа с ним, — вспоминал Р. Гудвин, — помогла мне разобраться во многих вопросах. Он не противоречил мне, он был слишком вежлив» [16, с. 81]. Че начал со слов благодарности в адрес Вашингтона за операцию в заливе Свиней: «Поддержка нашей власти до того не была широкой, вы же неизмеримо ее усилили». Затем, ссылаясь на то, что он выражает точку зрения кубинского правительства, Э. Че Гевара предложил помощнику Дж. Кеннеди обсудить возможность соглашения в духе «живите сами и дайте жить другим». Позже, когда Р. Гудвин передал послание кубинской стороны президенту США, последний категорически отверг даже саму возможность обсуждения такого предложения. Это было вполне закономерно. За фразой Че «живите сами и дайте жить другим» скрывался кубинский

вариант политики мирного сосуществования двух систем и невмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Это означало бы отказ США от имперского господства в Западном полушарии, что для Вашингтона тогда было абсолютно неприемлемо. Дж. Кеннеди посылал Р. Гудвина на переговоры не для этого.

В 1961 г. США разместили в Турции 15 ракет средней дальности, «накрывавших» территорию европейской части СССР, с полетным временем около 10 минут. В то время у американцев было значительное преимущество перед Советским Союзом как в количестве ядерных боеголовок, так и в средствах доставки. Размещение ракет «под боком» у СССР было воспринято в Москве как вопиющее нарушение сложившегося баланса сил. По одной из версий, Н.С. Хрущев узнал об этом во время визита в Болгарию в мае 1962 г. Как утверждал А.И. Микоян, идея о защите Кубы с помощью размещения там ракет с ядерными боеголовками впервые была озвучена Н.С. Хрущевым после его возвращения из Болгарии 20 мая 1962 г. [7, с. 129–130]. Это немного расходится с воспоминаниями тогдашнего заместителя начальника Главного оперативного управления Генерального штаба ВС СССР А.И. Грибкова, который утверждал, что задание разработать план операции «Анадырь» было получено Генеральным штабом от советского правительства в начале мая 1962 г. [2, с. 44]. Между тем в другом интервью А.И. Грибков отмечал, что ему поручили приступить к разработке плана операции в начале третьей декады мая 1962 г. после только что закончившегося заседания в Кремле. «Ко мне в кабинет зашел мой непосредственный начальник генерал-полковник Семен Павлович Иванов, — вспоминал А.И. Грибков. — Он протянул мне листы бумаги и сказал: “Анатолий Иванович, вот это нужно переписать набело, от руки, машинистке пока не давать. Разрешаю привлечь к работе твоего заместителя генерала Елисеева и полковника Котова. Кроме вас троих к работе никого не привлекать...” Я взял неизвестный мне текст и начал читать. Это были записи Иванова, сделанные им как секретарем Совета обороны на только что закончившемся заседании в Кремле. Так я впервые узнал о решении высшего руководства страны направить наши войска на Кубу, о проведении операции, получившей впоследствии кодовое наименование “Анадырь”» [1].

Как бы там ни было, судя по всему, в конце второй — начале третьей декады мая упомянутое решение созрело. Дальше наступила фаза воплощения идеи в жизнь.

Советское руководство сразу начало зондировать возможную реакцию кубинского правительства на подобное предложение. В мае 1962 г. советник посольства СССР на Кубе А.И. Алексеев был вызван в Москву и приглашен на беседу к Н.С. Хрущеву, ко-

торый сообщил ему о его назначении послом на Кубе и пожелал успехов на новом посту. Однако через четыре дня А.И. Алексеева снова вызвали в Кремль. На сей раз помимо Н.С. Хрущева в беседе участвовали Ф.Р. Козлов, А.И. Микоян, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидов, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, командующий Ракетными войсками стратегического назначения Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов.

«И вдруг, — вспоминал А.И. Алексеев, — прозвучал вопрос, неожиданность которого повергла меня в оцепенение: Хрущев спросил, как, по-моему, прореагирует Фидель на предложение установить на Кубе наши ракеты. С трудом преодолев замешательство, я все же высказал сомнение в том, что Фидель с таким предложением согласится, поскольку кубинские руководители строят свою стратегию на боеготовности всего народа и на солидарности мирового общественного мнения, народов Латинской Америки с кубинской революцией» [13, 22.10.2012].

По словам А.И. Алексеева, Н.С. Хрущев сказал, что для защиты Кубы от американского нападения надо «найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев. <...> Надо дать им понять, что, напав на Кубу, они будут иметь дело не только с одной непокорной страной, но и с ядерной мощью Советского Союза. <...> Логика подсказывает, говорил Хрущев, что таким средством может быть только размещение наших ракет с ядерными боеголовками на территории Кубы» [13, 22.10.2012]. Одновременно Н.С. Хрущев связал задачу защиты Кубы с общими задачами противостояния СССР и США.

Запись протокола заседания Президиума ЦК 21 мая так запечатлела выступление Н.С. Хрущева: «Расположить ракетно-ядерное оружие. Закрыто провести. Потом объявить. Ракеты под нашим командованием. Это будет наступательная политика» [13, 22.10.2012]. Для ведения переговоров по этому вопросу было принято решение направить на Кубу делегацию во главе с Ш.Р. Рашидовым, в которую включили маршала С.С. Бирюзова и А.И. Алексеева [13, 22.10.2012].

Советская военная делегация, которую для отвода глаз возглавил руководитель Узбекистана, прибыла в Гавану поздно вечером 29 мая 1962 г. Утром 30 мая состоялась беседа членов делегации с Фиделем и Раулем Кастро. Главным переговорщиком с советской стороны был маршал С.С. Бирюзов.

Фидель Кастро в своем выступлении на международной конференции в Гаване, посвященной 40-й годовщине Карибского кризиса, отметил, что он начал обсуждать вопрос об угрозе прямой военной интервенции США с советскими руководителями в апре-

ле 1962 г. Кубинцы просили увеличить поставки современного обычного вооружения для вновь формируемых регулярных частей кубинской армии. Им нужны были усовершенствованные системы ПВО, артиллерия, бронетехника, истребительная авиация, катера береговой охраны, инструкторы для обучения кубинцев владению новой техникой, чтобы в случае агрессии дать достойный отпор противнику. Они собирались, опираясь на концепцию всенародной войны, превратить Кубу в неприступную крепость. Ни о каких наступательных видах вооружений речь с кубинской стороны никогда не шла, тем более они никогда не обращались с просьбой размещать в стране ядерное оружие. По мнению Ф. Кастро, Н.С. Хрущева подтолкнули к активным действиям документы, начавшие появляться в большом количестве с середины ноября 1961 г., в которых говорилось о военных планах Р. Макнамары. Однако было упущено много времени [16, с. 214]. Вопрос же о размещении ракет на Кубе впервые был поставлен перед Фиделем Кастро по поручению советского правительства С.С. Бирюзовым в беседе 30 мая 1962 г.

«Они, — вспоминал Ф. Кастро, — поинтересовались моим мнением относительно того, что следует предпринять, чтобы избежать нападения. Я им ответил как можно спокойнее: “Сделайте публичное заявление, предупреждая Соединенные Штаты — так же, как поступают они в подобных обстоятельствах, — что нападение на Кубу будет расценено как нападение на СССР”. Я аргументировал свою точку зрения. Они немного подумали, а потом добавили: чтобы это не было простой декларацией, необходимо принять некоторые конкретные меры. Тогда-то они и высказали предложение разместить на Кубе минимальное количество ракет среднего радиуса действия» [19, р. 308].

Фидель Кастро расценил такое предложение как «очевидное желание русских достичь перевеса в соотношении сил между СССР и Соединенными Штатами». В своей беседе с главным редактором французского ежемесячного издания «Le Monde Diplomatique» Игнасио Рамоне кубинский лидер признался, что его «не очень обрадовала перспектива размещения этого оружия на Кубе, поскольку мы хотели избежать того, чтобы наша страна воспринималась как советская военная база, особенно в Латинской Америке. Я ответил им: “Сделаем перерыв — я хочу проконсультироваться с Национальным руководством Революции по этому деликатному и важному вопросу”. Я так и поступил в полуденное время. Помню, на том совещании помимо Рауля присутствовали Блас Рока, Че, Дортикос и Карлос Рафаэль. Я передал им содержание разговора с русскими и изложил свою точку зрения: считаю, мол, что советская сторона, искренне желая предотвратить нападение



на Кубу — в данном вопросе Хрущев сознавал всю полноту обязательств, — намеревается еще и улучшить соотношение стратегических сил в свою пользу, поскольку присутствие советских ракет на Кубе дает СССР преимущество, равноценное достигнутому Соединенными Штатами, разместившими такие же ракеты в странах, находящихся по соседству с Советским Союзом, — в Турции и Италии. Я добавил, что с нашей стороны было бы непоследовательно ожидать от СССР и социалистического лагеря максимальной поддержки в случае агрессии против нашей страны со стороны Соединенных Штатов и при этом отказаться идти на политический риск и потерю престижа, когда союзники и друзья в нас нуждаются. Эта этическая и Революционная точка зрения была единодушно принята на заседаниях Национального руководства» [19, р. 308].

В контексте этих переговоров и процесса принятия решения представляется интересным взгляд на события Карибского кризиса, запечатленный в дневниковых записях одного из тогдашних лидеров Кубы Эрнесто Че Гевары. Размышляя о кубинской политике, он рассматривал ее как часть процесса мировой революции, ее стратегии и тактики, борьбы за мировую гегемонию. «Чтобы взять власть в этом поляризованном мире, две силы которого предельно различны между собой и абсолютно противоположны по своим интересам, — писал Э. Че Гевара, — нельзя ограничиваться рамками той или иной географической или социальной общности. Взятие власти — это мировая цель революционных сил. Завоевание будущего представляет собой стратегический элемент революции, замораживание настоящего — это стратегическая контрцель, движущая силами реакции в современном мире, в котором они находятся в состоянии обороны» [15, с. 284]. Другими словами, Э. Че Гевара рассматривал участие Кубы в этой борьбе как составную часть революционного процесса, а изменение status quo в Западном полушарии в результате победы Кубинской революции — как стратегический элемент этой борьбы. США в данном контексте представляли собой главную силу реакции в современном мире, стремившуюся «заморозить настоящее».

«В этой борьбе мирового масштаба, — по мнению Э. Че Гевары, — громадное значение имеет географическое размещение позиций. Иногда ему принадлежит решающее значение. Куба, например, — выдвинутый вперед бастион. <...> Кубинский форпост имеет большое стратегическое значение для противоборствующих лагерей — империализма и социализма, которые сейчас оспаривают гегемонию в мире. Его значение было бы совсем другим, если бы он существовал в иной географической или социальной ситуации. Его значение было совсем другим, когда до революции он со-

ставлял лишь одну из тактических позиций империализма. В настоящее время значение кубинского редута возрастает не только потому, что он представляет собой открытую дверь в Латинскую Америку. К его стратегическому, военному и политическому положению присоединяется еще и мощь его морального влияния; его моральные снаряды имеют столь разрушительную действенность, что становятся едва ли не самым главным элементом в определении ценности Кубы» [15, с. 284].

Э. Че Гевара считал, что необходимо анализировать каждый элемент в войне или в политике, «нельзя отрывать его от того целого, частью которого он является» [15, с. 285]. Из этих установок следовал логический вывод, что Куба как социалистическая страна является частью социалистического содружества, форпостом социализма в Западном полушарии. Этим была обусловлена полная и решительная поддержка Э. Че Геварой и разделявшими его теоретические взгляды кубинскими руководителями советского предложения о размещении ракет среднего радиуса действия на Острове свободы. На основе этого анализа было принято решение, которое Фидель Кастро и сообщил 30 мая представителям Советского Союза, сказав дословно следующее: «Если речь идет о том, чтобы защитить Кубу от прямого нападения и одновременно укрепить СССР и социалистический лагерь, мы согласны на размещение ракет средней дальности, какие только будут необходимы» [19, р. 308–309].

После того как кубинская сторона дала свое принципиальное согласие на размещение ракет, переговорщики обсудили соответствующие дополнительные меры. Было согласовано, что СССР установит на боевое дежурство 42 ракеты среднего радиуса действия; военно-морские, военно-воздушные и сухопутные силы Кубы будут укреплены ракетными катерами, авиационным полком МиГ-21, 4 мотопехотными бригадами, полностью оснащенными бронетранспортерами и танками, и полком тактического ядерного оружия. Для того чтобы защитить стратегическое ядерное оружие, предполагалось развернуть батареи ракет «земля – воздух», предназначенных для противовоздушной обороны, с радиусом действия 30 км.

Описанные переговоры состоялись за 5 месяцев до кризиса. Без этой предыстории трудно было бы сформировать представление о том, что произошло в октябре 1962 г. Помимо всего прочего кубинцы сразу же поставили вопрос о подготовке советской стороной соответствующих юридических документов. Получив их, Фидель Кастро как профессиональный юрист провел детальный анализ документов и обратил внимание на то, что проект военного соглашения (договора) о размещении ракет не достаточно хорошо

проработан с политической точки зрения и не годится для того, чтобы представить его в качестве публичного документа, касающегося столь деликатной темы.

Советско-кубинский договор о военном сотрудничестве стороны обсуждали в течение июля и августа. Для согласования вопросов укрепления обороноспособности Кубы и подписания соглашения о размещении на острове советского военного контингента и ракет средней дальности в Москву выезжали две официальные кубинские делегации. В июле 1962 г. делегацию возглавлял министр Революционных вооруженных сил Кубы Рауль Кастро, с 27 августа по 2 сентября в СССР находилась делегация во главе с Э. Че Геварой.

«Я полностью переработал проект, — вспоминал позднее Ф. Кастро, — переписал от руки и переслал с Раулем в Москву. Там он обсудил проект с министром обороны Малиновским и с Хрущевым» [19, р. 309]. Затем проект договора был привезен советским послом А.И. Алексеевым на Кубу в августе. Ф. Кастро считал, что в том договоре не было острой необходимости и он не совсем политически оправдан. Тем не менее кубинский лидер доработал проект документа и предложил три варианта его названия. С готовым вариантом договора в конце августа 1962 г. в Москву послали упомянутую представительную официальную делегацию во главе с министром промышленности и членом национального руководства Объединенных революционных организаций Э. Че Геварой. Последний имел полномочия подписать договор и инструкции от Ф. Кастро: предложить советскому правительству немедленно опубликовать документ. Кубинское руководство мотивировало это двумя соображениями. Во-первых, с точки зрения международного права и Устава ООН Куба и Советский Союз имели полное право заключить договор о военной помощи и поддержке. Во-вторых, при существовавших возможностях американской разведки скрытно разместить ракеты на Кубе практически было невозможно. Из этого вытекало опасение, что если данный факт вскроется, то Вашингтон получит моральное преимущество в глазах американского и мирового общественного мнения и перехватит стратегическую инициативу. США предстанут перед всем миром как жертва коварного обмана, поскольку СССР в течение предыдущих месяцев неоднократно официально заявлял, что не собирается ввозить на Кубу стратегическое наступательное оружие [16, с. 201–203].

Н.С. Хрущев во время переговоров с кубинской делегацией согласился с изменениями и дополнениями, внесенными Ф. Кастро, но отверг предложение о немедленном обнародовании договора. Советский лидер также мотивировал свою позицию двумя сообра-

жениями: желанием дождаться результатов выборов в Конгресс США и стремлением придать объявлению о заключении советско-кубинского договора больше пафоса. Н.С. Хрущев хотел лично присутствовать на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1962 г., где планировал официально вместе с Фиделем Кастро объявить о подписании совместного соглашения. Несмотря на всю настойчивость кубинской стороны в стремлении опубликовать договор хотя бы в сентябре, Москва оставалась непреклонной [16, с. 201–203]. В данном случае Н.С. Хрущев в очередной раз продемонстрировал отмеченную Эриком Хобсбаумом «склонность к позерству и импульсивным решениям». «Я не смог убедить его, — вспоминал Ф. Кастро. — Хрущев ответил, что в дальнейшем направит Балтийский флот, чтобы охладить чрезмерный пыл Соединенных Штатов. Для нас, кубинских руководителей, СССР был могучим и опытным государством. У нас не было другого аргумента, чтобы убедить русских в необходимости изменить стратегию ведения этого дела, и нам не оставалось ничего иного, как положиться на них» [19, р. 310–311].

В конечном итоге кубинская делегация, согласовав детали операции «Анадырь», вытекавшие из договора, была вынуждена согласиться сохранять его в тайне до намеченного на ноябрь 1962 г. выступления Н.С. Хрущева на заседании ГА ООН [16, с. 202]. В этой связи в официальном сообщении от 3 сентября 1962 г. о пребывании в СССР делегации Национального руководства Объединенных революционных организаций Кубы и советско-кубинском военном сотрудничестве было сказано лишь следующее: «Во время пребывания в Советском Союзе тт. Эрнесто Гевара Серна и Эмилио Арагонеса Наварро состоялся также обмен мнениями в связи с угрозами агрессивных империалистических кругов в отношении Кубы. Правительство Кубинской Республики ввиду этих угроз обратилось к советскому правительству с просьбами об оказании помощи вооружением и соответствующими техническими специалистами для обучения кубинских военнослужащих. Советское правительство с вниманием отнеслось к этой просьбе правительства Кубы, и по данному вопросу была достигнута договоренность. Пока имеют место угрозы со стороны указанных кругов в отношении Кубы, Кубинская Республика имеет все основания принимать необходимые меры для обеспечения своей безопасности и защиты своего суверенитета и независимости, а все подлинные друзья Кубы имеют полное право откликнуться на эту законную просьбу» [12, с. 170–171].

В действительности подготовка к выполнению достигнутых 30 мая предварительных договоренностей началась уже в июне

1962 г. Упомянутые визиты кубинских делегаций в Москву, на наш взгляд, имели значение не только для практической реализации и уточнения военных планов, но и большое политическое значение. Несмотря на то что подписанный договор о размещении на Кубе советского военного контингента и ракет средней дальности временно держался в тайне, сообщения о визитах делегаций должны были подготовить общественное мнение двух дружественных стран, а также мировое общественное мнение к последующему его оглашению.

«Следует признать, — отмечал Ф. Кастро, — что Вооруженные Силы СССР и Советское государство действовали с большой эффективностью, чтобы разместить в такие короткие сроки на нашей территории согласованные силы и средства. С нашей стороны были приложены все усилия, чтобы обследовать все точки, где предстояло разместить войсковые формирования и вооружение, включая ракеты средней дальности и все средства прикрытия. Сделать это с соблюдением самых строгих норм деления на участки, маскировки и осмотрительности — это, возможно, самая трудная задача, которую кто-либо может себе представить. Наши вооруженные силы и органы безопасности при поддержке партии и массовых организаций действовали с такой эффективностью, как, думаю, нигде в мире. Несмотря на эти усилия, слухи — шары, как мы говорим на Кубе, — ходили повсюду. Те, кто был настроен против Революции, по всевозможным каналам переправляли сообщения в Соединенные Штаты, информируя родственников и должностные лица о тех передвижениях, которые они наблюдали. Пресса очень быстро подхватила эти слухи. Кеннеди испытывал на себе давление оппозиции и прессы» [19, р. 309–310]. В СМИ Соединенных Штатов началась мощная антисоветская и антикубинская кампания. Наиболее радикально настроенные американские политики требовали немедленного начала военных действий против Кубы и военного пресечения советского проникновения в Западное полушарие.

Правительства СССР и США, по мнению кубинского лидера, в этой обстановке начали странную «византийскую дискуссию» относительно того, имело ли оружие, посылаемое на Кубу, наступательный или оборонительный характер. Н.С. Хрущев заверил Дж. Кеннеди, что это оружие оборонительное. Американский президент понял это так, что ракет средней дальности на Кубе не будет. «Думаю, — вспоминал Ф. Кастро, — он по-своему воспринял категорические заявления Хрущева, который все время твердил о том, что оружие, мол, оборонительное, исходя не из технических характеристик, а из оборонительных целей, которые преследовались его размещением на Кубе» [19, р. 310].

13 сентября 1962 г. Дж. Кеннеди сделал заявление, в котором, на наш взгляд, попытался отреагировать на высказывания американских «ястребов» и успокоить американское общественное мнение. «Если Соединенные Штаты Америки, — утверждал он, — когда-либо сочтут необходимым предпринять военные действия против коммунизма на Кубе, то все поставленные коммунистами вооружения и технические советники не смогут изменить последствия или существенно задержать достижение такого результата» [27].

Одновременно Вашингтон пытался показать Гаване, что он готов пойти на прямые переговоры с кубинским руководством в случае сворачивания его отношений с СССР. На проходившей в то время в Нью-Йорке XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН американский представитель Э. Стивенсон предложил президенту Кубы О. Дортикосу, принимавшему участие в ее работе, разорвать все связи с Советским Союзом — с целью заложить основу для будущих переговоров между США и Кубой. Кубинский президент отверг это предложение. 9 октября, вскоре после возвращения О. Дортикоса из Нью-Йорка, в Гаване состоялся митинг, выступая на котором Фидель Кастро заявил, что кубинский народ никогда не откажется от бескорыстной поддержки Советского Союза, являющейся основой безопасности революционной Кубы [22, 10.10.1962].

К середине октября американцы уже располагали проверенной информацией о размещении советских ракетных установок на Кубе. Первые данные были получены ими с помощью космической разведывательной системы, использующей спутники-шпионы «Самос». Западногерманская разведка также предоставила некоторые данные о прохождении советских кораблей с военной техникой на Кубу через балтийские проливы [17, р. 130]. Завербованный американцами сотрудник советской разведки полковник Олег Пеньковский сообщил им точное местонахождение ракет, которые по его наводке обнаружили и засняли 14 октября самолеты-разведчики U-2. Дж. Кеннеди получил эту информацию 16 октября. Через шесть дней разразился кризис [19, р. 311].

«Самым невероятным в поведении Хрущева, — по мнению Ф. Кастро, — было то, что, когда по всей стране размещали батареи ракет «земля — воздух», не было принято необходимых мер, чтобы не оставить противнику никаких возможностей обнаружить расположение советско-кубинских средств обороны и не позволить летать самолетам-шпионам. Это уже был не вопрос, касающийся тактики или стратегии. Это решение показывало, существует ли намерение следовать по-настоящему твердой линии поведения в создавшейся ситуации или нет. С нашей точки зрения, которой мы

придерживались тогда, а я придерживаюсь ее и сегодня, позволив летать американским самолетам-шпионам, русские оказали противнику небывалую услугу. Это дало ему целую неделю, чтобы разработать план ответа — как в политическом, так и в военном отношении. В то же время у Хрущева, когда разразился кризис, не было ясного представления о том, что следует делать» [19, р. 311].

22 октября в 19.00 Дж. Кеннеди выступил с обращением к американскому народу, которое транслировали различные каналы телевидения и радио. Американский президент потребовал от СССР вывезти ракеты средней дальности с Кубы и объявил об установлении военно-морской блокады острова — так называемого карантина [20, р. 190–191]. К тому времени советская контрразведка уже арестовала О. Пеньковского и узнала, что американцы владеют информацией о ракетах, установленных на Кубе.

Когда 22 октября объявили о том, что Дж. Кеннеди выступит по телевидению и радио, Ф. Кастро, сопоставив это с рядом других факторов, понял, что речь пойдет о размещении советских стратегических ракет на Кубе. Не дожидаясь этого выступления, кубинский лидер попросил советское военное командование максимально ускорить монтаж пусковых установок для стратегических ракет на острове. Раз уж ракеты были завезены, то они должны были представлять собой реальное оружие сдерживания противника. Работа шла днем и ночью. 16 октября практически ни одна установка еще не была закончена, а через 2 дня было готово 8, 20 октября — 13, еще через сутки — 20. Дело шло полным ходом [19, р. 312–313].

Как только в США было объявлено о предстоящем вечером 22 октября выступлении Дж. Кеннеди, кубинское руководство уже днем приняло решение объявить боевую тревогу и всеобщую мобилизацию. В регулярные войска были призваны 300 тыс. резервистов [23]. Заняли свои позиции батальоны рабочей и крестьянской милиции, отряды гражданской обороны и добровольные санитарные бригады [20, р. 192].

22 октября в 22.30 советские войска на Кубе по приказу из Москвы также были приведены в полную боевую готовность [9].

51-я дивизия Ракетных войск стратегического назначения под командованием генерал-майора И.Д. Стаценко за 48 суток с момента прибытия первого судна была приведена в боевую готовность. Это было сделано значительно раньше намеченного срока. Когда была объявлена боевая тревога, дивизия уже была способна нанести ракетно-ядерный удар со всех 24 стартовых позиций ракетных комплексов Р-12, а также оперативно-тактическими ракетами «Луна» (164 ядерными боеприпасами и таким же количеством фугасных зарядов).

В полной боевой готовности находились войска противовоздушной обороны — две зенитно-ракетные дивизии, 10-я и 11-я ЗРД ПВО. Полки фронтовых крылатых ракет № 561 и № 584 (по 8 пусковых установок в каждом полку) несли боевое дежурство. К тому времени группа советских войск на Кубе насчитывала 43 тыс. солдат и офицеров, на ее вооружении было более 2 тыс. танков. Бронетехника должна была прикрывать ракетные и другие технические части, а также в случае необходимости действовать совместно с кубинскими вооруженными силами в целях отражения возможной агрессии.

Для выполнения задач в составе группировки советского Военно-морского флота на Кубе были приведены в состояние боевой готовности: бригада ракетных катеров (12 единиц), ракетный полк крылатых ракет «земля — море» типа «Сопка» (8 пусковых установок противокорабельных систем), минно-торпедный авиационный полк (36 самолетов Ил-28). Ракетные катера находились на базах в готовности к пуску ракет по кораблям противника [9]. Они были укрыты от наблюдения в огромных практически неуязвимых морских бухтах-пещерах.

23 октября Фидель Кастро выступил по телевидению. Возложив вину за возникший кризис на правящие круги Соединенных Штатов, он предупредил соотечественников об угрозе интервенции, призвал народ полностью мобилизовать внутренние ресурсы страны для обороны и выразил решимость сражаться с неприятелем, несмотря на любые опасности [20, p. 192].

Представляет интерес реакция кубинского руководства на дипломатическую полемику, развернувшуюся в первые дни кризиса между представителями двух сверхдержав. В этой связи Фидель Кастро вспоминал: «На экстренном заседании Совета Безопасности ООН завязалась полемика, которую я расценил как постыдную, между американским и советским постоянными представителями Эдлаем Эвингом Стивенсоном и Валерианом Зориным. Стивенсон эффектно продемонстрировал Совету Безопасности огромные аэрофотоснимки пусковых установок стратегических ракет на Кубе. Советский дипломат отрицал очевидное, отрицал подлинность этих доказательств. Он уклонился от участия в дебатах. Все отдавало импровизацией, человек не был готов к обсуждению. Не нападал, не разоблачал, не говорил о том, что у Кубы, маленькой страны, подвергшейся агрессии, угрозам со стороны сверхдержавы, имелись веские причины просить помощи, а у СССР — ее предоставить во имя своих принципов и интернационального долга, и лишь путался в бездарных аргументах. Это стало следствием колебаний и плохой публичной подачи данной темы со стороны Хрущева в те месяцы, которые предшествовали кризису. Зорин совер-



шил ошибку, отказавшись от настоящих дебатов, которые следовало провести по вопросу о суверенитете Кубы, ее праве на оборону, на защиту. Это случилось 25 октября 1962 года» [19, р. 313].

Вскоре после начала размещения советского военного контингента в рамках операции «Анадырь» возникло непонимание со стороны кубинского руководства позиции правительства СССР, отказывавшегося от применения современных средств ПВО против американских разведывательных самолетов, летавших над Кубой.

Кубинцы указали находившемуся на Кубе советскому военному руководству на недопустимость бреющих полетов U-2, которые снижались до высоты 200–150 м. Когда ни из Кремля, ни от командования советской группой войск на Кубе не было получено внятного ответа на эти запросы, Ф. Кастро как верховный главнокомандующий страны известил о том, что кубинцы будут сбивать низколетящие объекты собственной зенитной артиллерией. Эти полеты американских пилотов вызывали раздражение и у советских военных на Кубе, которые стояли в оборонительных порядках плечом к плечу с кубинцами.

Непосредственный участник операции «Анадырь» — заместитель командира ракетного полка стратегического назначения полковник Николай Федорович Орлов вспоминал: «Обстановка осложнялась ежечасно, американская армада стягивалась к берегам Кубы. Их реактивные самолеты проносились над нами так низко, что ощущались горячие потоки выхлопных газов. Остров, в свою очередь, был превращен в неприступную крепость!» [9].

Удар авиации США по кубинским и советским объектам ожидали в ночь с 26 на 27 октября или с рассвета 27-го. В связи с этим Фидель Кастро принял решение сбивать самолеты противника огнем зенитной артиллерии. Командовавший Группой советских войск на Кубе генерал армии И.А. Плиев (Павлов) решил применить «все имеющиеся средства ПВО» [9].

27 октября кубинские зенитчики сбили один истребитель F-104, летевший на малой высоте, а в 18.20 по московскому времени (10.20 по местному) ракетой С-75 (ЗРК «Десна») на высоте 21 тыс. м был сбит американский самолет-разведчик U-2 [9]. Погиб пилот Рудольф Андерсен. Наступил момент наибольшего напряжения. Любой новый резкий шаг каждой из сторон мог привести к войне.

Кубинские руководители были готовы идти навстречу опасности. В письме от 26 октября 1962 г. Ф. Кастро убеждал Н.С. Хрущева в том, что агрессия США против Кубы почти неизбежно начнется в течение ближайших трех дней. По его мнению, были возможны два варианта: первый и наиболее вероятный — воздушная атака на локальные объекты в целях их уничтожения; второй — вторжение.

Кубинский руководитель считал второй вариант менее вероятным, но возможным. Ф. Кастро заверил советского лидера в том, что моральное состояние кубинского народа чрезвычайно высоко и он окажет агрессору героический отпор. Далее следовал совет Н.С. Хрущеву: «Советский Союз должен всячески воспрепятствовать созданию условий, при которых империалисты могут первыми нанести ему ядерный удар, — писал Ф. Кастро. — Я говорю Вам это, так как думаю, что агрессивность империалистов становится в высшей степени опасной, и если они совершат столь варварский незаконный и аморальный акт, как вторжение на Кубу, то такой момент был бы подходящим, чтобы, используя законное право на самооборону, навсегда ликвидировать подобную опасность, каким бы жестким и ужасным ни было решение, потому что другого выхода, похоже, нет» [19, р. 315—316]. В сущности, это было предложение нанести упреждающий ядерный удар по США в случае их прямой военной агрессии против Кубы.

В таком же свете представляли себе развитие событий и другие ключевые фигуры кубинского правительства. В те дни Эрнесто Че Гевара записал в своем дневнике: «Будет ли империализм и далее сдавать одну позицию за другой или же как смертельно раненый зверь предпримет, как он недавно угрожал, ядерную атаку, которая бросит мир в атомный пожар? Этого сказать мы не можем. Но мы утверждаем, что должны идти по пути освобождения, даже если ценой этого станут миллионы жертв атомной войны. Ибо в смертельной схватке двух систем нельзя думать ни о чем кроме окончательной победы социализма или о его откате в случае победы ядерной агрессии империализма.

Куба — на пороге нашествия, ей угрожают самые могущественные силы империализма, она на грани атомной смерти. Не отступая из окопов, она в последний раз зовет Америку на битву — битву, которая не завершится страшным, но коротким сражением, но может вылиться в годы изнурительных столкновений и невыносимых страданий во всех уголках континента. Наступление империализма и местной буржуазии еще не раз поставит народные движения на грань уничтожения, но всякий раз, черпая силы в народе, они будут возрождаться, пока не наступит окончательное освобождение» [15, с. 296].

На наш взгляд, подобные настроения в кубинском руководстве, а также аналитическая информация и братский совет Фиделя Кастро должны были подействовать на борца за мир Н.С. Хрущева как «ушат холодной воды». Элементы «авантюристического блефа», содержащиеся в методах осуществления затеянной советским лидером операции «Анадырь», вызвали реакцию жесткого противодействия со стороны авантюристически настроенных ва-

шингтонских «ястребов». Дж. Кеннеди, находившийся под их сильным давлением, колебался в принятии решений, но в то же время стремился всеми разумными путями избежать ядерной катастрофы. Он передал по каналам разведки советскому руководителю компромиссное предложение<sup>1</sup>. Суть его сводилась к следующему: вывести советские ракеты Р-12 с Кубы в обмен на гарантии США о ненападении на нее. Дж. Кеннеди также дал понять, что готов вывести аналогичные ракеты из Турции и Италии. Одновременно 27 октября президент США поручил своему брату Роберту Кеннеди, министру юстиции, встретиться с советским послом в США А.Ф. Добрыниным. Р. Кеннеди сообщил послу: «Президент в ответ на вывод советских ракет берет на себя обязательство не только не нападать на Кубу, но и удерживать от этого шага своих союзников» [9].

В тот момент, когда перед Н.С. Хрущевым лежало письмо кубинского лидера, где он, по сути, говорил о целесообразности нанесения упреждающего ядерного удара по США в случае их прямой военной агрессии против Кубы и утверждал, что «другого выхода, похоже, нет», этот «другой выход» был предложен американским президентом. Кубинский руководитель, поверивший первоначальной браваде Н.С. Хрущева, своим письмом помог ему заглянуть в «пропасть». Советский лидер инстинктивно отпрянул от нее, когда 27 октября получил экстренное сообщение о сбитом над Кубой U-2 и всплеске эмоций в США, причем с учетом разницы во времени вся эта информация оказалась на столе у главы советского правительства практически одновременно. В тот момент шло экстренное заседание высшего руководства СССР. «Жесткому и ужасному решению», предложенному Ф. Кастро, Н.С. Хрущев

---

<sup>1</sup> Младший брат президента США министр юстиции Роберт Кеннеди попросил своего старого знакомого-тележурналиста, внешнеполитического обозревателя телекомпании «ABC News» Джона Скали, выйти на связь с «советником советского посольства» Александром Фоминым. Под этим именем в США на разведывательной работе «под прикрытием» находился кадровый офицер Александр Фекисов, с августа 1960 г. – резидент внешней разведки КГБ в Вашингтоне. Первая встреча Дж. Скали и А. Фомина состоялась утром 22 октября в ресторане «Occidental», примерно на полпути между Белым домом и зданием советского посольства. Неофициальный контакт между Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущевым был, наконец, установлен. В результате нескольких встреч через «канал Скали – Фомин» Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущев обменялись первоначальной информацией и высказали мнение о возможном разрешении возникшего кризиса во взаимоотношениях между двумя странами. Позднее был открыт обычный канал дипломатической связи между Москвой и Вашингтоном. Первоначально тексты посланий шифровались, но с учетом исключительной напряженности момента, когда любые неосторожные действия военных могли инициировать мировую ракетно-ядерную войну, переговоры между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди в наиболее критические часы кризиса передавались радиостанциями сторон открытым текстом.

предпочел компромиссный вариант. Его поддержали другие руководители страны.

В этой критической обстановке поздним вечером 27 октября Н.С. Хрущев согласился на компромиссное предложение Дж. Кеннеди. Это было сделано без какой-либо консультации с кубинской стороной (об этом в тот момент высшего напряжения советский руководитель, видимо, думал меньше всего). Пикантность момента состояла в том, что Н.С. Хрущев не счел необходимым хотя бы символически уведомить своего союзника, Гавану, о своем решении, объяснив его опасностью малейшего промедления. Тем более он не упомянул в своем ответе Дж. Кеннеди, что, давая общее согласие на американские условия, при их конкретном осуществлении необходимы консультации с кубинской стороной. Первое сообщение о своем решении он направил Фиделю Кастро на следующий день, 28 октября, уже после того, как получил официальное публичное подтверждение Дж. Кеннеди о его согласии на упомянутые условия компромисса.

О том, что советская сторона предложила вывести ракеты, кубинцы узнали из сообщений зарубежных информационных агентств еще вечером 27 октября (с учетом восьмичасовой разницы во времени между Москвой и Гаваной). «Нам не приходило в голову уступить угрозам противника, — вспоминал Ф. Кастро. — <...> Это показалось нам абсолютно некорректным. Вызвало крайнее возмущение. <...> Мы не выступали против какого-либо решения, потому что было важно избежать ядерного конфликта. Но Хрущев должен был сказать американцам: “Это надо также обсудить с кубинцами”. Ему в тот момент не хватило выдержки и твердости. Русским следовало из принципа проконсультиться с нами. Тогда условия договора наверняка оказались бы лучше. *На Кубе не осталась бы военная база в Гуантанамо, не продолжались бы шпионские полеты на большой высоте* [курсив на. — В.Б.]. Все это нас задело. Мы протестовали. И даже после соглашения продолжали стрелять по самолетам, совершавшим полеты на низкой высоте. Американцам пришлось их прекратить. Наши отношения с русскими ухудшились. Это повлияло на наши отношения на несколько лет вперед» [19, p. 314–315].

Как отмечал Фидель Кастро в 2002 г. на конференции в Гаване, посвященной 40-летию рассматриваемых событий, «кризис в отношениях между Советским Союзом и Кубой был почти таким же сильным, как кризис между США и СССР [курсив наш. — В.Б.]. Но это была достаточно деликатная проблема. Куба попала в сферу интересов двух сверхдержав. Они никогда не учитывали интересов Кубы. Привычкой сверхдержав было принимать решения до того, как с ними согласятся их союзники. Это вызвало отрицательную

реакцию с нашей стороны, а также обмен острыми письмами между Хрущевым и мною» [16, с. 216].

В приведенных словах Ф. Кастро чувствуется присутствие эмоций, оскорбленной национальной гордости народа небольшой страны, который столетиями унижали, угнетали, не считались с его мнением. Ф. Кастро — выразитель его чувств и чаяний. В письме Н.С. Хрущеву от 31 октября он очень точно передал эмоциональное состояние тех, кто был готов вступить в смертный бой с агрессором и совершенно неожиданно из американских СМИ узнал о решении советского руководства вывести ракеты с Кубы: «На глазах у многих кубинских и советских мужественных бойцов, которые были готовы погибнуть с высочайшим достоинством, навернулись слезы, когда они узнали о внезапном, неожиданном и практически немотивированном решении вывести ракеты» [19, р. 320].

В этом плане интересно свидетельство очевидца событий — главного военного советника на Кубе генерала Алексея Алексеевича Дементьева. 27 октября 1962 г. он находился на командном пункте рядом с Фиделем Кастро, когда поступила информация о договоренности Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева о выводе советских ракет с Кубы. Фидель был потрясен этой новостью, не хотел верить в нее. Когда же она подтвердилась, он был в ярости. Ударом кулака Фидель раскроил пополам стол, на котором лежала карта, а потом обрушился с проклятиями в адрес Н.С. Хрущева. На его глазах были слезы. Через несколько секунд он собрал свою могучую волю в кулак, распрямылся. В тот момент он был похож на легендарного Геракла. Глаза его метали громы и молнии, было ясно, что он готов самым решительным образом продолжать борьбу<sup>2</sup>.

Трудно безболезненно пережить международный конфликт, когда страна, которая приложила титанические усилия для того, чтобы превратиться из объекта мировой политики в ее субъект, оказалась между «молотом и наковальней» двух сверхдержав. Единственное, что давало шанс на выживание Кубы в той ситуации, — это достижение компромисса между ними. К счастью для всех, он был достигнут. Как и какой ценой — это уже отдельный вопрос. При всей своей экстравагантности Н.С. Хрущев это прекрасно понимал.

В своем письме от 28 октября 1962 г., направленном кубинскому лидеру, советский руководитель подчеркнул главное: «Наше послание президенту Кеннеди от 27 октября дает возможность урегулировать вопрос в вашу пользу — оградить Кубу от вторже-

---

<sup>2</sup> Этот эпизод воспроизведен автором настоящей статьи со слов самого А.А. Дементьева.

ния, от развязывания войны. Ответ Кеннеди, который Вы, видимо, тоже знаете, содержит заверение в том, что Соединенные Штаты не будут вторгаться на Кубу не только своими силами, но будут удерживать своих союзников от вторжения» [19, р. 316].

В связи с обозначившимся соглашением двух сверхдержав кубинское правительство сочло необходимым заявить о собственной позиции. 28 октября 1962 г. премьер-министр Революционного правительства Кубы Ф. Кастро сделал официальное заявление. В нем было сказано: «В связи с предложением президента Соединенных Штатов Джона Ф. Кеннеди, содержащимся в письме премьер-министру Советского Союза Никите Хрущеву, о том, что Соединенные Штаты согласились бы после соответствующего урегулирования через посредство Организации Объединенных Наций прекратить блокаду и дать гарантии не совершать вторжения на Кубу, и в связи с объявлением премьер-министром Н. Хрущевым решения удалить с кубинской территории установки оружия стратегической обороны Революционное правительство Кубы заявляет, что гарантий от агрессии против Кубы, о которых говорит президент Кеннеди, не будет, если помимо прекращения морской блокады, которое он обещает, не будут приняты наряду с другими следующие меры.

Первое — прекращение экономической блокады и всех мер экономического и торгового давления, которое осуществляют Соединенные Штаты во всем мире против нашей страны.

Второе — прекращение всякой подрывной деятельности, отправки и выгрузки оружия и взрывчатых веществ по воздуху и морю, организации вторжений наемников, проникновения шпионов и саботажников, т.е. всех тех действий, которые осуществляются с территории Соединенных Штатов и некоторых стран-сообщников.

Третье — прекращение пиратских нападений с баз, расположенных в Соединенных Штатах и в Пуэрто-Рико.

Четвертое — прекращение любых вторжений в наше воздушное пространство и территориальные воды североамериканскими военными самолетами и судами.

Пятое — эвакуация военно-морской базы в Гуантанамо и возвращение кубинской территории, оккупированной Соединенными Штатами» [25, 28.10.1962].

В тот же день эти требования были поддержаны советским руководством и 29 октября опубликованы в центральном органе ЦК КПСС — газете «Правда» [10, 29.10.1962].

Одновременно Ф. Кастро в письме Н.С. Хрущеву от 28 октября недвусмысленно дал понять, что кубинцы «в принципе против инспекции своей территории» [19, р. 317].

Все упомянутые требования были также переданы Фиделем Кастро исполнявшему тогда обязанности Генерального секретаря ООН У Тану. В сложившейся критической обстановке последний еще 26 октября 1962 г. заявил правительствам США, СССР и Кубы о своем желании содействовать сторонам в урегулировании конфликта.

Позиционирование У Таном Кубы в одном ряду переговорщиков с двумя сверхдержавами было позитивно воспринято кубинским правительством. Фидель Кастро заявил в послании Генеральному секретарю ООН, что Куба готова обсудить разногласия с США и сделать все от нее зависящее, чтобы мирным путем разрешить возникший кризис. Одновременно в послании было отмечено, что Куба решительно отвергает действия Вашингтона, нарушающие ее суверенитет, одним из проявлений которых является блокада. Правительство Кубы выразило готовность принять предложенные У Таном условия, если правительство США воздержится от угроз и агрессивных действий против Кубы, включая морскую блокаду. В ходе обмена посланиями была достигнута договоренность о приезде У Тана на Кубу для согласования усилий по мирному урегулированию кризиса [17, р. 139].

30 октября по приглашению Фиделя Кастро в Гавану прибыл исполняющий обязанности Генерального секретаря ООН У Тан в сопровождении своего заместителя Омара Лутфи (Объединенная Арабская Республика), военного советника ООН бригадного генерала Х. Рикхи (Индия), Эрнана Павареса де Са (Бразилия), военного советника шведской делегации в ООН подполковника Дага Инге Стернспиза и др. Состоялось совещание Фиделя Кастро с У Таном, на котором с кубинской стороны присутствовали президент Республики Освальдо Дортикос, министр иностранных дел Рауль Роа, посол Кубы в Мексике Карлос Личуга. Кубинская сторона ясно изложила свою позицию. 31 октября обмен мнениями был продолжен.

В течение этих двух дней прошла также встреча У Тана с советским послом на Кубе А.И. Алексеевым и генерал-майором И.Д. Стаценко, которому было поручено демонтировать ракетные позиции.

30 октября И.А. Плиев получил указание от Р.Я. Малиновского, чтобы командир дивизии генерал И.Д. Стаценко доложил о положении дел прибывшему в Гавану У Тану. Предупредили, что доклад должен быть полным, включать данные о состоянии дивизии и ее организации, количестве завезенных ракетных установок и ракет, плане демонтажа и вывоза ракет в Советский Союз. Начали срочно готовить И.Д. Стаценко к столь необычным «дипломатическим» переговорам.

Беседа с У Таном состоялась в резиденции Генерального секретаря ООН. На ней присутствовал посол СССР на Кубе А.И. Алексеев. И.Д. Стаценко рассказывал о встрече так: «Приехали в резиденцию в назначенное время. К нам вышел У Тан, взаимно представились, затем прошли в небольшой зал для заседаний. Индийский и шведский генералы [швед был подполковником. — *В.Б.*] раскрыли свои увесистые портфели. По всему было видно, включили магнитофоны. <...> У Тан начал разговор с того, что одобрително отозвался о решении Советского правительства вывезти с Кубы ракеты, заметив, что оно проявило большую заботу о сохранении мира. Коротко остановился на своей миссии в Гавану. Посол А.И. Алексеев поблагодарил У Тана за теплые слова, отметил, что Советский Союз всегда стоял на твердых позициях сохранения мира, и сказал, что командир ракетной дивизии готов ответить на все интересующие его вопросы» [8].

У Тан поинтересовался у И.Д. Стаценко о его впечатлениях от пребывания на Кубе, затем спросил о боевом составе ракетных частей и инструкциях по поводу вывоза ракет с острова. И.Д. Стаценко доложил о ходе выполнения приказа о демонтаже ракетных позиций и плана вывоза ракет и оборудования в Советский Союз. Он сказал, что всего было завезено 24 установки и 42 ракеты, включая 6 учебных, со всем вспомогательным оборудованием (транспортировки, заправки, стартовым и т.д.), и что планом предусматривается вывезти ракетные полки до 20 ноября, но все будет зависеть от времени сосредоточения в портах Кубы необходимого количества кораблей нужного класса [8]. Когда И.Д. Стаценко ответил на все поставленные вопросы, У Тан поблагодарил его за беседу и пожелал счастливого пути на Родину. Индийский и шведский офицеры вопросов не задавали, но усердно все записывали. Тон беседы был спокойным, уважительным [8].

31 октября перед отлетом в Нью-Йорк У Тан заявил, что он удовлетворен визитом, и выразил благодарность правительству и народу Кубы за оказанный ему прием. По возвращении в Нью-Йорк У Тан охарактеризовал свои двухдневные переговоры как плодотворные и конструктивные, заявив, что было достигнуто соглашение о дальнейшем участии ООН в мирном решении конфликта [25, 30–31.10.1962].

В тот период большую остроту приобрел вопрос о порядке демонтажа и вывоза с Кубы советских ракет. США пытались навязать свою наземную инспекцию за ходом эвакуации ракет с территории острова. Это требование, ущемлявшее суверенитет Кубы, было решительно отвергнуто ею. Выступая 1 ноября 1962 г. по кубинскому радио и телевидению, Фидель Кастро зачитал стенограмму переговоров с У Таном, а затем изложил точку зрения ку-



бинского правительства по вопросам инспекции и обеспечения гарантий ненападения на Кубу в соответствии с пятью пунктами его заявления от 28 октября. «Мы не нарушали никакого права, — заявил Ф. Кастро, — не совершали никакой агрессии против кого бы то ни было, поэтому инспекция является еще одной попыткой унизить нашу страну. Поэтому мы ее не принимаем» [22, 01.11.1962]. Говоря о бескорыстной помощи Советского Союза кубинскому народу, Фидель Кастро заявил: «Нужно особенно напомнить о том, что во все трудные моменты, с которыми мы встречались перед лицом американской агрессии, <...> мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему и об этом мы должны говорить во весь голос! Советские люди, которых мы видим здесь, специалисты, прибывшие сюда работать вместе с нами на различных участках, сделали для нас очень много. Кроме того, советские военные специалисты, которые были готовы умереть вместе с нами, очень много сделали в обучении и подготовке наших вооруженных сил» [22, 01.11.1962].

Одновременно для переговоров с американскими должностными лицами и кубинским правительством об окончательном урегулировании конкретных вопросов, связанных с Карибским кризисом, был направлен А.И. Микоян. Вечером 1 ноября он вылетел в Гавану из Нью-Йорка, где провел сутки в напряженных переговорах и консультациях. «Фидель, — вспоминал А.И. Микоян, — видимо, поторопился меня предупредить о своей позиции, так как произнес эту речь [«пять пунктов». — В.Б.] утром того дня, когда ожидал меня вечером в Гаване. Времени на переписку с Москвой не было. Прямо в аэропорту, перед вылетом в Гавану, я выступил с заявлением в поддержку «пяти пунктов» Фиделя. Думаю, это сильно помогло начать с ним переговоры в более доброжелательной атмосфере, изменило настроение кубинского руководства» [7, с. 259].

Несомненно, заявление А.И. Микояна в аэропорту сыграло положительную роль, но в данном случае в его воспоминания вкралась маленькая неточность. Как уже было отмечено, изложение Ф. Кастро «пяти пунктов» состоялось не 1 ноября, а за 4 дня до этого, так что особенно «торопиться предупреждать» А.И. Микояна Фиделю Кастро не было необходимости. 29 октября, когда А.И. Микоян был еще в Москве, оно было опубликовано в утреннем номере «Правды» — такие материалы публиковались в центральном печатном органе партии только с ведома и одобрения высшего руководства. Перед поездкой, в которую А.И. Микоян отправился 31 октября, он получил всю необходимую информацию о позиции кубинского руководства. Референты и помощник не могли не обратить внимание А.И. Микояна на столь важный

для него документ. Трудно предположить, что он узнал об этих «пяти пунктах» лишь через 4 суток, находясь в США. Если это действительно было так, то имел место крупный бюрократический «ляп», которых, к сожалению, бывает немало в больших делах. Вся ответственность за это в подобных случаях ложится на тех, кто помогал готовить этот визит и должен был обеспечить одного из высших советских руководителей всей необходимой информацией. Остается предположить, что 1 ноября А.И. Микоян получил информацию об упомянутом выступлении Фиделя Кастро по радио и телевидению, во время которого он в тот день зачитал стенограмму переговоров с У Таном, а затем изложил позицию кубинского правительства по вопросам инспекции и обеспечения гарантий ненападения на Кубу в соответствии с «пятью пунктами» его обращения от 28 октября. В любом случае заявление А.И. Микояна как члена правительства СССР о поддержке кубинских «пяти пунктов», сделанное по горячим следам очередного выступления кубинского лидера, было в той ситуации полезным для начала переговоров с кубинцами. Дополнительная капля «бальзама» на душевную «рану» Ф. Кастро, оскорбленного дипломатической бестактностью Н.С. Хрущева, проигнорировавшего Кубу при принятии решения о вывозе ракет, была отнюдь не лишней.

Конечно, утверждение Ф. Кастро о том, что «кризис в отношениях между Советским Союзом и Кубой был почти таким же сильным, как кризис между США и СССР», носило скорее эмоциональный характер, чем было отражением реального положения дел. Расхождения были серьезными и принципиальными, но это были именно «расхождения» стратегических союзников в понимании тех или иных вопросов. Важную роль в них играли определенные идеологические различия. Кубинское руководство, в тот момент еще очень молодое, едва вышедшее непосредственно из революции, стояло на более наступательной, радикальной левой платформе. Не успев еще переболеть «детской болезнью левизны», оно зачастую преувеличивало возможности СССР и мирового освободительного движения и явно недооценивало потенциал США и западного блока. В Кремле умудренные жизненным опытом руководители были более склонны к прагматичному варианту мирного сосуществования и соревнования двух противоположных общественных формаций. Важным было также то обстоятельство, что СССР был одной из двух сверхдержав, прошедших тяжелейшие испытания Второй мировой войны, и имел за плечами десятилетия борьбы за модернизацию страны на принципах социализма. Впрочем, специфика менталитета и манера поведения Н.С. Хрущева сыграли в рассматриваемых событиях не последнюю роль.

Кубинцы, исходя из своих национальных интересов, хотели использовать урегулирование кризиса для полного утверждения своего национального суверенитета и восстановления территориальной целостности страны, выдворения США с военно-морской базы в Гуантанамо. Отстоять суверенитет с советской помощью Кубе удалось. США, отказавшись от прямой военной агрессии против Кубы, тем самым признали право на существование «коммунистического» государства в Западном полушарии. В обмен на вывоз советских ракет Дж. Кеннеди объективно согласился с изменением status quo в Новом Свете. С базой вопрос обстоял сложнее. На наш взгляд, в тот момент возвращение базы было абсолютно неприемлемо для Дж. Кеннеди, поскольку в той ситуации оно было бы расценено не только «ястребами» и правыми, но и массовым общественным мнением США как явное поражение и сдача стратегических позиций в Западном полушарии.

Визит А.И. Микояна на Кубу, продолжавшийся с 1 по 25 ноября 1962 г., сыграл важную роль в разрешении возникшего кризиса в советско-кубинских отношениях. Необходимо было расставить последние точки над «i», определиться с формой инспекции за вывозом ракет, а также с оружием и контингентом советских войск. Кубинцы категорически отказались от проведения инспекции на их суверенной территории. Одновременно они стремились сохранить на Кубе все оружие, включая ядерное, которое не попало первоначально в поле зрения «общего соглашения» между СССР и США от 27 октября. Речь шла об Ил-28, ракетных катерах, тактических ракетах с ядерными боеголовками. Кроме того, кубинцы просили сохранить советский военный контингент как важную гарантию своей национальной безопасности.

А.И. Микояну удалось, используя всю свою незаурядную логику и талант переговорщика, убедить кубинцев согласиться «не мешать вывозу» Ил-28 и тактического ядерного оружия. О последнем американцы узнали лишь после выступления А.И. Грибкова на конференции в Гаване в 1992 г/, посвященной 30-летию Карибского кризиса. Одновременно кубинской стороне в ходе переговоров удалось многого добиться для укрепления своей обороны. Вся боевая техника советских воинских частей, которые покидали Кубу, включая танки Т-34 и Т-55, бронетранспортеры, катера прибрежной охраны «Комар», фронтовые крылатые ракеты, ракеты «Сопка» и «Луна», а также самолеты МиГ-21, была передана кубинским Революционным вооруженным силам [7, с. 341, 349–350]. Предварительно была осуществлена подготовка кубинского военного персонала, способного эффективно использовать эту боевую технику. В ходе переговоров А.И. Микояна с кубинской стороной Кремль согласился сохранить на Кубе одну мотострелко-

вую бригаду как символ союзнических отношений на случай агрессивных поползновений со стороны США [7, с. 359].

А.И. Микояну не удалось добиться согласия Гаваны на международную инспекцию на территории Кубы при вывозе советских ракет. Кубинцы в ответ на это потребовали инспекции территории США как гарантии ликвидации размещенных там баз и лагерей кубинских контрреволюционеров. Вашингтон сразу отверг такой вариант. В конечном итоге удалось прийти к компромиссу в виде визуальной инспекции советских судов, вывозивших стратегическое оружие, с бортов американских судов в нейтральных водах. США также были вынуждены ограничиться аэрофотосъемкой кубинской территории с высотных самолетов-разведчиков до 20 ноября 1962 г., когда завершились демонтаж и вывоз стратегического оружия.

Как оценивали события Карибского кризиса в связи с резко негативной реакцией кубинского руководства на вывод советских ядерных сил с острова наиболее прагматичные советские политики того времени? Об этом можно судить по выступлению А.Н. Косыгина, приуроченному к 45-й годовщине Октябрьской революции. «Советский Союз оказал Кубе помощь в укреплении ее обороны, — отметил он. — <...> Мы вынуждены были пойти на это ввиду того, что в Соединенных Штатах Америки открыто пропагандировались какие-то “особые права” на вмешательство в дела Кубы. <...> Кто кому уступил в этой обстановке? Мы считаем, что это была уступка и с той, и с другой стороны, уступка разуму и миру. Кто виноват в этом конфликте? Militarизм, агрессивный империализм Соединенных Штатов Америки. Он создал этот конфликт, который мог стоить человечеству огромных жертв» [3, 06.11.1962]. На наш взгляд, это была очень взвешенная, спокойная и честная оценка событий.

Несмотря на все обиды и разочарования, эмоциональное восприятие кризиса и накал страстей, кубинскому руководству хватило выдержки и здравого смысла, чтобы достаточно объективно оценить позицию советского правительства, согласившегося на компромисс с США в вопросе о вывозе ядерных вооружений с Кубы. Выступая на митинге во время своего визита в СССР, состоявшегося всего через полгода после драматических событий октября 1962 г., Фидель Кастро сказал: «Во всем величии будет сиять страна, которая во имя защиты маленького народа, на много тысяч миль отдаленного от нее, положила на весы термоядерной войны благополучие, выкованное за 45 лет созидательного труда и ценой огромных жертв! Советская страна, потерявшая во время Великой Отечественной войны против фашистов больше жизней, чем все население Кубы, чтобы отстоять свое право на существо-

вание и развитие огромных богатств, не поколебалась взять на себя риск тяжелой войны в защиту нашей маленькой страны! История не знает подобных примеров солидарности» [4, с. 89].

Постепенно по мере улучшения и развития советско-кубинских отношений Фидель Кастро более позитивно оценивал события Карибского кризиса. В 1975 г. в беседе с американским сенатором Джорджем Макговерном он отметил: «Я бы занял более твердую линию, чем Хрущев. Я был в ярости, когда он уступил. Но Хрущев был старше и мудрее. В ретроспективе я понимаю, что он достиг правильного урегулирования отношений с Кеннеди. Если бы моя позиция взяла верх, могла бы случиться ужасная война. Я был неправ» [7, с. 359].

Тем не менее и сегодня, когда заходит речь о событиях Карибского кризиса, кубинские лидеры вновь и вновь повторяют те же аргументы, которые высказывали в полемике с советским руководством полвека назад. Аналогичную позицию занимает при оценке рассматриваемых событий и современная кубинская историография. Такая точка зрения, например, отражена в увидевшей свет в 2012 г. книге Алехандро Кастро Эспина (сына Рауля Кастро) «Стратегия всевластия: внешняя политика США»: «Под давлением Вашингтона, выступившего с неприемлемых для Кубы позиций и игнорировавшего суверенное право Кубы и СССР на заключение двусторонних военных соглашений о размещении ядерного оружия на острове, — пишет А. Кастро, — советское руководство в одностороннем порядке согласилось на переговоры с Соединенными Штатами о выводе данных средств, что явилось первой крупной военно-политической уступкой евро-азиатского гиганта американскому империализму в контексте “холодной войны”» [5, с. 50].

При этом кубинцы всегда четко разделяли свое отношение к «ошибкам» тех или иных руководителей СССР и свои чувства к стране и народу, который с открытым сердцем сопереживал и помогал борьбе Кубы за свободу и социальную справедливость. Кубинцы воздвигли величественный монумент советским воинам-интернационалистам на Кубе, рядом с которым регулярно проходят парады кубинских РВС. Примечательно, что в октябре 2002 г. после завершения работы международной конференции Фидель Кастро нашел время, чтобы встретиться с небольшой группой советских ветеранов Карибского кризиса, принимавших участие в этом научном форуме. На заседания конференции он ходил в элегантном гражданском костюме, но на встречу с советскими офицерами пришел в военной форме. В беседе с ними он сказал: «Мы благодарны Советскому Союзу и советским воинам. Мы никогда не забудем, что вы вместе с нами были готовы защищать

Кубинскую революцию, нашу Родину от американского вторжения» [1].

Говоря об отношении кубинского руководства к событиям Карибского кризиса 50 лет спустя, можно сделать вывод, что, пока у власти на Кубе находится первое революционное поколение, ничто не будет забыто. Несмотря на объективное снижение роли эмоциональной составляющей в восприятии событий и признание отдельных ошибок, общая оценка политики Кубы, СССР и США в период кризиса остается неизменной.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грибков А.И.* Дыхание ядерной войны // Парламентская газета. 2003. 8 февр.
2. *Грибков А.И.* Карибский кризис // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 41–46.
3. Известия.
4. *Кастро Ф.* Октябрьская революция и Кубинская революция: Речи и выступления 1960–1977 гг. М., 1978.
5. *Кастро Э.А.* Стратегия всевластия: внешняя политика США. М., 2012.
6. *Корниенко Г.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001.
7. *Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса / ИМЭМО РАН. М., 2006.
8. Операция «Анадырь». Факты. Воспоминания. Документы [Электронный ресурс] // Псевдология [Интернет-портал]. URL: [http://www.pseudology.org/CubaCrisis/Razdel\\_05.htm](http://www.pseudology.org/CubaCrisis/Razdel_05.htm) (дата обращения: 07.12. 2012).
9. *Орлов Н.Ф.* Военно-стратегическая операция «Анадырь». Карибский кризис, 1962–1963 гг. [Электронный ресурс] // «History mania» [Интернет-портал]. 17.05.2009 г. URL: [http://historymania.info/view\\_post.php?id=20](http://historymania.info/view_post.php?id=20) (дата обращения: 03.12. 2012).
10. Правда.
11. Республика Куба / Отв. ред. М.А. Манасов. М., 1984.
12. Россия – Куба. 1902–2002: Документы и материалы / МИД РФ; МИД Республики Куба; гл. ред. Г.Э. Мамедов, Далмау Анхель. М., 2004.
13. Советская Россия.
14. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.
15. *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. М., 2006.
16. *Язов Д.Т.* Карибский кризис: сорок лет спустя. М., 2006.
17. *Alvares Mola V., Bekarevich A.D., Borodaev V.A.* et al. Valentia y fraternidad. La Habana, 1983.
18. *Blanco E.J.* De Playa Girón a Punta del Este. Buenos Aires, 1962.
19. Cien horas con Fidel. Conversaciones con Ignacio Ramonet. La Habana, 2006.
20. *Díaz Castañón M.D.P.* Ideología y revolución: Cuba, 1959–1962. La Habana, 2004.

21. Historia de una agresión: declaración y documentos del juicio seguido a la brigada mercenaria organizada por los imperialistas yanquis que invadió a Cuba el 17 de abril de 1961. La Habana, 1962.
22. Noticias de Hoy.
23. Orden de alarma de combate. 22 de octubre de 1962 // Bohemia, año 54, Nº 43, La Habana, 26 de octubre de 1962.
24. Playa Girón. Derrota del imperialismo. T. 1. La Habana, 1961.
25. Revolución.
26. *Schlesinger A.M.* A Thousand Days. Houghton Mifflin Company. Boston, 1965.
27. Statement by the President. September 13, 1962 // Department of State Bulletin. Vol. XLVII. Nº 1214. October 1, 1962. Washington, D.C., 1963.
28. *Vivanco J.V.-D.* Operación Mangosto. Preludio de la invasión directa a Cuba. La Habana, 2002.